

УДК 902.01

КЕРАМИКА КУРГАННОЙ ГРУППЫ У ДЕРЕВНИ МИТИНО: ПОПЫТКА РЕКОНСТРУКЦИИ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В ЭПОХУ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ

(подготовлена в рамках проекта РГНФ № 16-11-59004)

© Н.С. Батуева, Р.В. Бубнова, А.Н. Сарапулов, Д.В. Шмуратко

GROUP OF POTTERY FROM BURIAL MOUNDS NEAR THE VILLAGE OF MITINO: AN ATTEMPT OF RECONSTRUCTION OF HISTORICAL- CULTURAL PROCESSES IN THE EPOCH OF GREAT RESETTLEMENT OF PEOPLES

Статья посвящена технико-технологическому анализу керамики Митинского курганного могильника. Изучено 268 фрагментов керамики. Рассмотрен состав формовочных масс и исходное сырье, проанализирована орнаментация. Проведен анализ керамического комплекса Митинского могильника с керамикой селища Большая харинского периода и Красноярского могильника I–V вв.

Ключевые слова: археология, могильник, керамика, технико-технологический анализ, формовочная масса, сырье, харинский период.

The article examines results of the technical-technological analysis of the ceramics of the Mitino burial ground (barrow and barren parts). 268 fragments of ceramics were studied. The composition of the molding masses and the raw material are considered, and the ornament was analyzed. The analysis of the ceramic complex of the Mitino burial ground with ceramics of the Bolshaki settlement of the Harino period is carried out and Krasnoyarsk cemetery I-V cc.

Keywords: archaeology, burial ground, ceramics, technical- technological analysis, molding mass, raw materials, ornament, Harino period.

Митинская курганная группа расположена к востоку от восточной окраины д. Митино на левом берегу р. Кычдез (Кизис, Кыдзис; правый приток р. Лолог). Курганная часть памятника расположена на низкой надпойменной террасе левого берега р. Кычдез и занимает небольшую округлую возвышенность, ограниченную заболачиваемой поймой.

В результате археологических раскопок Митинской курганной группы за 2014–2016 гг. было исследовано 371 кв. м, в том числе 108 кв. м бескурганной части (Шмуратко, 2016).

Данная статья посвящена изучению традиций изготовления керамики, найденной на Митинском курганном могильнике. Керамический комплекс исследуемого памятника за 2014–2016 гг. составляет 268 фрагментов. В ходе исследований выделено 13 сосудов, относящихся к погребениям и ямам (курганным канавкам). 12 из них относятся к курган-

нам, 1 – к бескурганной части могильника. Среди керамики из пахотного слоя выделено 20 сосудов (большая часть образцов представляют собой разрозненные фрагменты сосудов).

Исследование было выполнено в рамках историко-культурного подхода к изучению керамики и методики технико-технологического анализа, разработанных А.А. Бобринским (Бобринский, 1978, с. 76). Данная методика предполагает, что при создании керамического сосуда мастер последовательно выполняет ряд узких технологических задач. Производственные процессы в гончарстве А.А. Бобринский делит на три стадии, каждая из которых состоит из четырех ступеней: стадия I – подготовительная; стадия II – созидательная; стадия III – закрепительная.

В данной работе основной задачей являлось изучение *подготовительной* стадии гончарной технологии: исходного пластичного сырья (далее ИПС) и рецептов формовочных масс (далее ФМ).

К сожалению, могильник неоднократно подвергался пахоте, что затрудняет исследование керамического комплекса, поэтому керамика из погребений и ям анализировалась отдельно от керамики из пахотного слоя.

В первую очередь, технико-технологическому анализу подверглись фрагменты 13 сосудов из погребений и ям (курганных канавок).

Анализ ИПС показал, что все сосуды были изготовлены из глины во влажном состоянии. В четырех сосудах использовалось запесоченное сырье, что составляет 31% от общего количества образцов, найденных в погребениях и ямах (табл. 1).

При исследовании ФМ было выявлено два типа рецептов:

1. С несмешанным двухкомпонентным составом;

2. Со смешанным многокомпонентным составом (Цетлин, 2012).

К первому типу ФМ мы отнесли рецепты: «глина + органический раствор», «глина + дробленая раковина» и «глина + навоз». К смешанному многокомпонентному составу относится рецепт «глина + органический раствор + дробленая раковина». В большинстве случаев был использован несмешанный однокомпонентный рецепт в виде «глины + дробленой раковины», что составило 54% (7 сосудов) от общего числа сосудов. Вторым наиболее часто встречаемым является смешанный двухкомпонентный состав с добавлением дробленой раковины и органического раствора – 23% (3 сосуда) (табл. 1).

Поверхность всех выделенных сосудов заглажена мягким предметом.

Основная часть сосудов из погребений и ям Митинской курганной группы не орнаментирована – 70% (9 сосудов). Всего было выделено три типа орнаментации: гребенчатая, нанесенная с помощью прокатывания штампа (1 сосуд); ямочная (1 сосуд); шнуровая, представленная в виде оттисков веревки, выполненной горизонтальными линиями (1 сосуд) и зигзагами (1 сосуд) (табл. 1).

Отдельно стоит уделить внимание описанию керамики из бескурганной части могильника. Технико-технологический анализ показал, что данный сосуд был изготовлен из не запесоченной глины, взятой в увлажненном состоянии. В формовочную массу была добавлена дробленая раковина в качестве искусственной примеси. Сосуд имел серо-песочный цвет и шнуровую орнаментацию в виде горизонтальных оттисков. В целом мы видим, что сосуд не выделяется из общего описания

керамики Митинского могильника и имеет с ним схожие технологические характеристики гончарных традиций.

Из распаханного слоя Митинского курганного могильника были проанализированы фрагменты керамики, типологически относящиеся к 20 разным сосудам.

Сосуды распаханного слоя были изготовлены из глин, в большинстве случаев использованных в не запесоченном состоянии (70%, 14 образцов).

В целом рецепты ФМ верхнего слоя идентичны составам фрагментов из погребений: «глина + навоз» – 5% (1 образец), «глина + дробленая раковина» – 50%, «глина + органический раствор» – 20% (4 образца), «глина + органический раствор + дробленая раковина» – 15% (3 образца). Стоит отметить, что, несмотря на сходство ФМ, в пахотном слое были найдены фрагменты иного состава: «глина + шамот + дробленая раковина» (1 образец) и «глина + шамот + органический раствор» (1 образец). Глина, использованная для данных рецептов, была не запесоченная и употреблялась во влажном состоянии. На данном этапе нельзя говорить о наличии существенных различий в изготовлении сосудов, так как последние рецепты встречены в малом количестве (табл. 1).

Большинство фрагментов, найденных в пахотном слое, не имеют орнаментации. На двух образцах обнаружен декор. Один фрагмент, представленный венчиком, украшен ямочными вдавлениями по торцу. Второй образец, относящийся к стенке сосуда, орнаментирован шнуровыми оттисками (табл. 1).

Таким образом, для керамической коллекции Митинской курганной группы характерны следующие черты: сосуды изготавливались из глин в увлажненном состоянии, наиболее часто использовались такие рецепты формовочных масс, как «ИПС + дробленая раковина» и «ИПС + дробленая раковина + органический раствор». Посуда изучаемого памятника орнаментировалась по верхней части сосудов – по венчику. Основными элементами узоров являются отпечатки гребенчатого штампа, оттиски шнура или ямочные вдавления.

Для установления культурной принадлежности керамической коллекций было проведено сравнительное исследование фрагментов сосудов Митинской курганной группы с керамикой селища Большаки. Оба памятника оставлены пришлым харинским населением. Близость керамических комплексов, в случае

ее обнаружения, могла бы свидетельствовать о сходстве культурно-исторического поля памятников. Для ответа на вопрос о степени близости керамических традиций Митинского могильника с традициями местных племен в анализ была включена керамика с Красноярского могильника (I–V вв.), принадлежащего пьяноборскому населению.

Селище Большаяки расположено на правом берегу Камского водохранилища, в 4 км к северу от д. Новая Каменка Ильинского района Пермского края, исследовалось в 2009 г. Д.В. Шмуратко (Шмуратко, 2010).

Керамический комплекс селища Большаяки представлен в анализе не полностью. Для формулировки предварительных выводов были исследованы фрагменты 10 сосудов, происходящих из канавы № 1, зафиксированной на уровне -0,40 м в виде широкой (около 0,6 м) дугообразной полосы. Вероятнее всего, обнаруженная канава представляет собой русло ручья, пересохшего в древности. Для большей части сосудов (80% – 8 сосудов) характерно использование незапесоченных глин во влажном состоянии в качестве ИПС, в двух случаях использовалась незапесоченная глина в дробленном состоянии.

В результате анализа ФМ было обнаружено 3 рецепта: «глина + дробленая раковина» (70% – 7 сосудов), «глина + дробленая раковина + органический раствор» (20% – 2 сосуда), «глина + органический раствор» (10% – 1 сосуд) (табл. 1).

Обработка поверхности сосудов селища Большаяки была выполнена путем выбивания, что не было обнаружено в керамическом комплексе Митинской курганной группы.

Орнаментация керамического комплекса селища Большаяки очень разнообразна (80% – 8 сосудов). Все орнаментированные сосуды были украшены по торцу венчика (62,5% – 5 сосудов), исключение составили 3 сосуда (37,5%), у которых были украшены и торец, и стенки венчика.

По торцу венчика было выделено 4 группы орнаментации: насечки по центру торца венчика (1 сосуд); оттиски гребенчатого штампа (2 сосуда); насечки с двух сторон торца венчика (1 сосуд); оттиски фигурного штампа (1 сосуд).

Орнаментальные композиции, представленные по торцу и стенке венчика: насечки по торцу + горизонтальные линии шнура и горизонтальная линия ямочного орнамента (1 сосуд); ямки углом штампа по торцу + вертикальное прокатывание гребенчатым штампом

(1 сосуд); оттиски гребенчатого штампа с двух сторон торца + горизонтальные линии шнура (1 сосуд) (табл. 1).

Красноярский могильник расположен в Бардымском районе Пермского края в 400 м к северо-востоку от д. Краснояр. Площадка могильника занимает невысокий выступ распахиваемой коренной террасы правого берега р. Тулвы. Керамический комплекс был проанализирован О.А. Казанцевой (Казанцева, 2012, с. 40) и представлен в анализе 5 целыми сосудами, обнаруженными непосредственно в погребениях. Керамическая коллекция Красноярского могильника характеризуется следующим образом: 1) в качестве ИПС используются среднезапесоченные глины или равнинные илы; 2) рецепты ФМ представлены следующими составами: «ИПС + навоз» (20%), «ИПС + шамот» (20%), «ИПС + навоз + шерсть» (20%) и «ИПС + шамот + навоз» (40%); 3) в керамической коллекции был зафиксирован лишь один сосуд с орнаментом. Узор был представлен двумя горизонтальными рядами ямок по горлу горшка (табл. 1).

Сравнительный анализ керамических комплексов позволяет говорить о близости гончарных традиций Митинского курганного могильника и селища Большаяки, о принципиальном отличии данных коллекций от керамики Красноярского могильника.

Сходство керамики Митинского могильника и селища Большаяки наблюдается в выборе древним мастером исходного сырья: в обоих случаях преобладает использование не запесоченных глин. Соотношение запесоченных и не запесоченных глин между памятниками также сходно (30% / 70 %). Культурно-хронологическая близость памятников проявляется и в сходстве рецептов формовочных масс. Соотношение составов представлено следующим образом: «ИПС + дробленая раковина» – более 50% от всех сосудов; «ИПС + органический раствор» – примерно около 20% от всех сосудов; «ИПС + органический раствор + дробленая раковина» – примерно около 20% от всех сосудов (табл. 1).

При сравнении керамики Митинского могильника с сосудами, обнаруженными в погребениях Красноярского некрополя, фиксируются значительные отличия. Большинство «красноярских» сосудов изготовлено из запесоченных глин (40% – 2 сосуда) и равнинного ила (40% – 2 сосуда), особенностью памятника является использование в качестве исходного сырья смеси глин. Не обнаружено сходство и при анализе рецеп-

тов формовочных масс. Сосуды Красноярского могильника изготовлены с добавлением в исходное сырье навоза, что не характерно для керамики Митинского могильника и селища Большаяки. Орнаментальные мотивы посуды Красноярского и Митинского могильников также не позволяют говорить о какой-либо культурной близости данных памятников.

Технико-технологический анализ керамического комплекса Митинской курганной группы по первой, подготовительной, стадии гончарной технологии продемонстрировал, с одной стороны, устойчивое сходство с керамикой селища Большаяки, а с другой – существенное отличие от сосудов Красноярского могильника. Данный факт позволяет говорить о культурной и хронологической близости Митинского могильника и селища Большаяки.

Представленные на памятниках керамические коллекции иллюстрируют традиции, характерные для пришлового харинского населения. Уникальность и самобытность харинской керамики подтверждается ее существенным отличием от сосудов местного производства, обнаруженных при раскопках Красноярского могильника. Полученные данные еще раз свидетельствуют в пользу миграционной теории происхождения памятников харинского типа. Отсутствие факта смешения харинской и автохтонной традиций подтверждает гипотезу об изолированном характере расселения «харинцев» на территориях, ранее не заселенных местными племенами. Вопрос об интенсивности контактов харинского и местного постпьяноборского населения может быть решен в пользу их минимизации.

ЛИТЕРАТУРА

- Бобринский А.А.* Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М., 1978. 272 с.
- Казанцева О. А.* Красноярский могильник I–V вв. н.э. в бассейне р. Тулвы Среднего Прикамья. Ижевск, 2012. 180 с.
- Цетлин Ю.Б.* Древняя керамика. Теория и методы историко-культурного подхода. М.: ИА РАН, 2012. 384 с.
- Шмуратко Д.В.* Отчет об исполнении государственного контракта № 56 от 09.06.2016 г. на проведение охранных археологических раскопок на разрушающемся объекте археологического наследия «Митинская курганная группа». Пермь, 2016 // Хранится в ЛАЭ ПГГПУ.
- Шмуратко Д.В.* Раскопки на селище Большаяки летом 2009 г. // Археологическое наследие как отражение исторического опыта взаимодействия человека, природы, общества (XIII Бадеровские чтения). – Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2010. С. 237–241.

Таблица 1. Итоги технико-технологического анализа керамических комплексов

Характеристика	Митинская курганная группа						Селище Большаяки		Красноярский могильник	
	Погребения и ямы				Пахотный слой					
	Курганы		Бескурганная часть							
	кол-во сосудов	%	кол-во сосудов	%	кол-во сосудов	%	кол-во сосудов	%	кол-во сосудов	%
Исходное пластичное сырье										
запесоченная глина	3	30,8	-	-	6	30,0	2	20,0	2	40,0
не запесоченная глина	9	61,4	1	7,8	14	70,0	8	80,0	-	-
равнинный ил	-	-	-	-	-	-	-	-	2	40,0
смесь среднезапесоченных глин	-	-	-	-	-	-	-	-	1	20,0
Рецепты формовочных масс										
«ИПС + дробленая раковина»	6	46,0	1	7,8	10	50,0	7	70,0	-	-

«ИПС + органический раствор»	2	15,4	-	-	4	20,0	1	10,0	-	-
«ИПС + навоз»	1	7,7	-	-	1	5,0	-	-	1	20,0
«ИПС + навоз + шерсть»	-	-	-	-	-	-	-	-	1	20,0
«ИПС + органический раствор + дробленая раковина»	3	23,1	-	-	3	15,0	2	20,0	-	-
«ИПС + шамот + дробленая раковина»	-	-	-	-	1	5,0	-	-	-	-
«ИПС + шамот + органический раствор»	-	-	-	-	1	5,0	-	-	-	-
«ИПС + шамот + навоз»	-	-	-	-	-	-	-	-	2	40,0
«ИПС + шамот»	-	-	-	-	-	-	-	-	1	20,0
ВСЕГО:	13/100%				20/100%		10/100%		5/100%	
Орнаментация										
отпечатки гребенчатого штампа	1	25,0	-	-	-	-	3	27,3	-	-
ямочный орнамент	1	25,0	-	-	1	50,0	1	9,1	1	100,0
шнуровой, представленный в виде оттисков веревки выполненной горизонтальными линиями	-	-	1	25,0	1	50,0	2	18,2	-	-
шнуровой, представленный в виде оттисков веревки выполненной зигзагами	1	25,0	-	-	-	-	-	-	-	-
насечки	-	-	-	-	-	-	3	27,3	-	-
оттиски фигурного штампа	-	-	-	-	-	-	1	9,1	-	-
ямки, поставленные углом штампа	-	-	-	-	-	-	1	9,1	-	-
ВСЕГО:	4/100%				2/100%		10/100%		1/100%	

Информация об авторах:

Батуева Надежда Сергеевна, магистрантка 2 курса исторического факультета Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета (г. Пермь, Россия), nadiabat@yandex.ru

Бубнова Раиса Витальевна, аспирант кафедры древней и средневековой истории России Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета (г. Пермь, Россия), rayusha_10@mail.ru

Сарапулов Алексей Николаевич, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой древней и средневековой истории России Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета (г. Пермь, Россия); ans05@mail.ru

Шмуратко Дмитрий Владимирович, кандидат исторических наук, доцент, декан исторического факультета Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета (г. Пермь, Россия); dshmuratko@mail.ru

About Authors:

Batueva Nadezda S, Master of the Chair of Ancient and medieval History of Russia. Perm State Humanitarian-Pedagogical University. Sibirskaya str. 24, Perm, Russian Federation, 614990; nadiabat@yandex.ru

Bubnova Raisa V, Postgraduate student of the Chair of Ancient and medieval History of Russia. Perm State Humanitarian-Pedagogical University. Sibirskaya str. 24, Perm, Russian Federation, 614990; rayusha_10@mail.ru

Sarapulov Aleksey N, Candidate of Historical Sciences, Associated Professor of the Chair of Ancient and medieval History of Russia. Perm State Humanitarian-Pedagogical University. Sibirskaya str. 24, Perm, Russian Federation, 614990; ans05@mail.ru

Shmuratko Dmitriy V, Candidate of Historical Sciences, Dean of Historical Faculty, Associated Professor of the Chair of Ancient and medieval History of Russia. Perm State Humanitarian-Pedagogical University. Sibirskaya str. 24, Perm, Russian Federation, 614990; dshmuratko@mail.ru